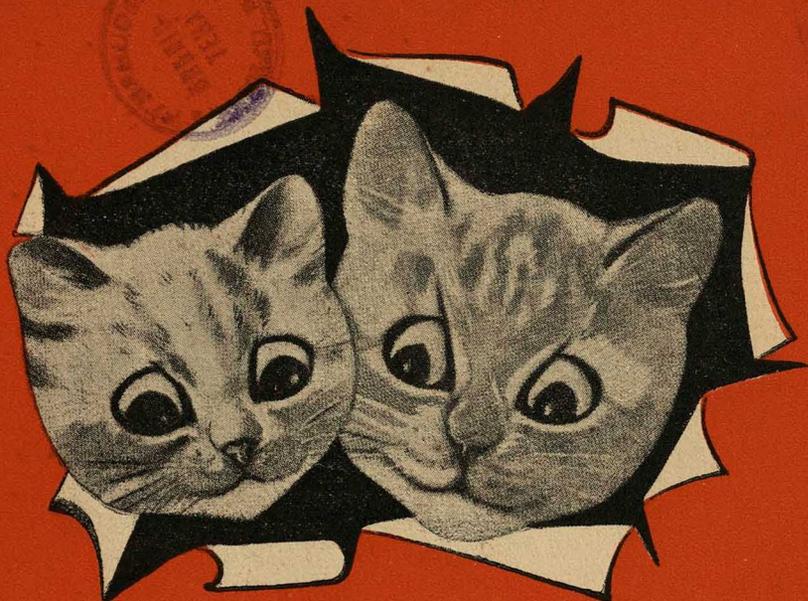

VI 10
ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

МАРТЪ.

№ 10.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕИ.

СОДЕРЖАНИЕ:

ТРУСИШКИ.
БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.
АЛЫЕ МАКИ.
ВСЕ СНѢГЪ И СНѢГЪ...
СИРОТА (повѣсть).
ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ,
ГОЛОВОЛОМКА и проч.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

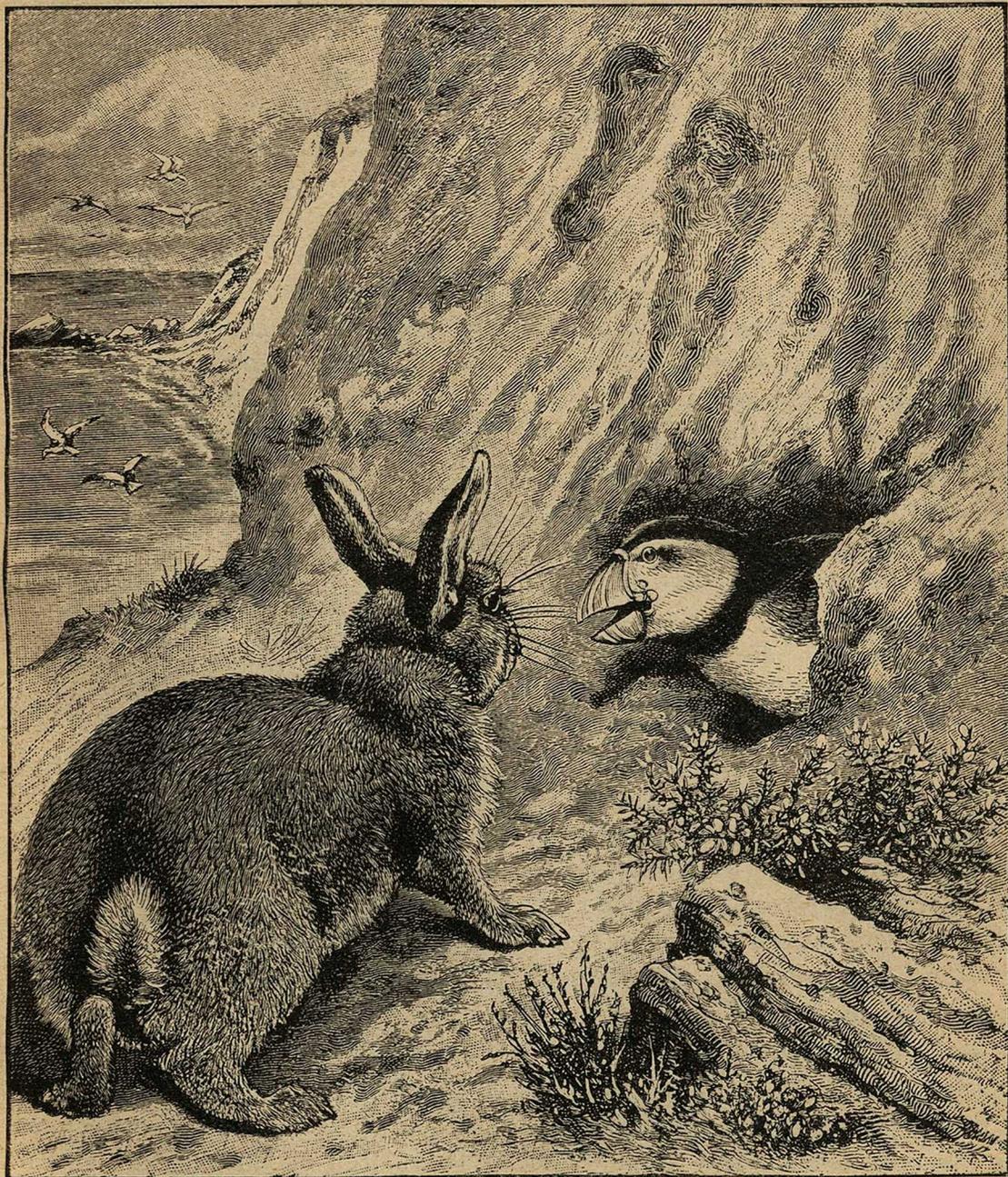
Пароходикъ для склеиванія.
„Въ Смутное время“ — исто-
рической романа (двѣтѣ 1-2)

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Часты случаи, когда, возвратившись съ поисковъ за пищей, кроликъ застаётъ въ своей норѣ буревѣстника.

ТРУСИШКИ.

Папа ѣхалъ на вокзалъ и по дорогѣ заѣхалъ на Шукинъ дворъ въ Петербургѣ, чтобы купить пару породистыхъ гусей. Когда ему показывали гусей, то къ клѣткѣ, въ которой сидѣли кролики, подошелъ какой-то человекъ, просунулъ въ нее руку и вытащилъ изъ нея кролика прямо за уши.

— Сколько стоитъ? спросилъ онъ.

Купецъ сказалъ ему, человекъ отдалъ за кролика деньги, положилъ кролика къ себѣ въ карманъ и ушелъ.

Папа тоже посмотрѣлъ на кроликовъ и подумалъ:— «А не купить-ли мнѣ парочку въ подарокъ Митѣ и Сонѣ? Гуси—дороги, не куплю, а съ пустыми руками возвращаться не хочется...»

Онъ выбралъ двухъ сѣренькихъ кроликовъ, которыхъ купецъ, такъ-же за уши, вытащилъ изъ клѣтки, и приказалъ ему посадить ихъ во что-нибудь такое, въ чемъ-бы они могли проѣхать двѣсти верстъ въ вагонѣ. Купецъ посадилъ ихъ въ лукошко изъ-подъ ягодъ, завернулъ лукошко въ толстую бумагу и завязалъ веревочкой.

— А они тамъ не задохнутся? спросилъ папа.

— Не беспокойтесь, сударь... отвѣтилъ купецъ.— Это товаръ живучій.

Всю дорогу кролики не шевелились въ лукошкѣ, такъ что папа даже опасался, живы-ли они. А когда па-

па пріѣхалъ къ себѣ въ усадьбу, то было уже поздно. Дѣти уже спали и его встрѣтила одна только мама, да горничная Оля. Папа усталъ съ дороги, наскоро поужиналъ и отправился къ себѣ спать.

— А это что ты привезъ? спросила его мама, указавъ на лукошко.

— Батюшки - мои! воскликнулъ папа.— Я и позабылъ! Вѣдь тамъ живые кролики! Пожалуй, издохли!..

Мама тоже испугалась, схватила лукошко и стала скорѣе его развязывать. Когда верхняя бумага была снята, то изъ лукошка вдругъ одинъ за другимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выскочили два кролика. Увидавъ себя въ новой обстановкѣ, они стали на заднія лапки, насторожили уши и стали нюхать воздухъ, шевеля ноздрями. А потомъ оба они подлѣзли подъ диванъ и стали стучать задними ногами объ полъ.

— Это они боятся, сказалъ папа.— Всегда зайцы страхъ выражаютъ, ударяя задними лапами о землю.

Мама кинула имъ подъ диванъ хлѣбца, посыпала капустной начинки изъ пирога и поставила блюдо молока.

— Воображаю, какъ завтра будутъ дѣти рады!.. сказала она.

Папа снялъ съ себя сапоги, поставилъ ихъ около дивана и уже въ однихъ чулкахъ отправился спать.

— Ноги устали... сказалъ онъ. — Кстати, пусть эти сапоги почистить завтра Гаврила и уберетъ ихъ въ шкафъ.

— А какъ-же быть съ кроликами? спросила мама.

— Да пусть остаются здѣсь, сказалъ папа. — Завтра дѣти встанутъ и это будетъ для нихъ неожиданностью.

На утро въ столовой былъ переполохъ. Явившійся убирать комнаты Гаврила увидалъ среди столовой два сапога, у которыхъ были съѣдены всѣ переда. Остались однѣ только подошвы да голенища.

«Что бы это значило?» подумалъ Гаврила.

Но въ это время одинъ изъ кроликовъ выбѣжалъ изъ-подъ дивана, сталъ на заднія лапы и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Гаврилу.

— Чу!! крикнулъ на него Гаврила.

Кроликъ испугался и снова убѣжалъ подъ диванъ. Тѣмъ временемъ проснулись Митя и Соня. Какъ и всегда, они соскочили со своихъ кроватокъ и въ однихъ рубашонкахъ побѣжали въ спальную къ мамѣ и залѣзли къ ней подъ одѣяло.

— Ну, будетъ вамъ баловаться!.. сказала мама. — Одѣньтесь поскорѣе, да сойдите внизъ въ столовую, посмотрите тамъ, что вамъ папа привезъ.

Дѣти тотчасъ-же бросились къ себѣ въ дѣтскую, стали умываться, Соня въ торопяхъ надѣла кофточку такъ, что верхняя пуговица пришлась

во вторую петлю, а Митя надѣлъ панталоны задомъ напередъ, и оба вмѣстѣ съ шумомъ сбѣжали съ лѣстницы и направились въ столовую. Здѣсь они увидѣли Гаврилу, который съ недоумѣніемъ разсматривалъ хозяйскіе сапоги.

— Что папа привезъ? засуетились дѣти. — Гдѣ папинъ подарокъ?

Гаврила покачалъ головою надъ сапогами и вздохнулъ.

— Вотъ вамъ и папинъ подарокъ! протянулъ онъ. — Сапоги были, какъ сапоги, а теперь одни только голенища остались!

Въ это время раздался изъ-подъ дивана такой звукъ, точно тамъ рвали бумагу.

Митя нагнулся и поглядѣлъ подъ диванъ. Тамъ одинъ изъ кроликовъ отдираетъ обои отъ стѣны.

— Зайчики!! вдругъ взвизгнулъ Митя. — Какіе славненькіе!

Соня тоже заглянула подъ диванъ.

— Лови ихъ! сказала она. — Я буду съ этой стороны, а ты съ той!

Дѣти залѣзли подъ диванъ и стали ловить тамъ кроликовъ. Кролики не давались. Одинъ изъ нихъ прыгнулъ на блюдо съ молокомъ и обрызгалъ имъ Митѣ все лицо. Другой заднею ногою оцарапалъ Сонѣ руку. Когда-же наконецъ они были пойманы, то въ столовую вошелъ папа. Онъ былъ въ халатѣ и въ туфляхъ. Увидѣвъ дѣтей, онъ улыбнулся имъ, а они бросились къ нему и стали цѣловать его въ обѣ щеки.

— Папочка, миленькій, спасибо те-

бѣ!.. говорили они.—Какіе хорошенькіе зайчики!

Папѣ было пріятно, что дѣти были рады его подарку, но въ это время онъ увидалъ Гаврилу, который все еще продолжалъ съ недоумѣніемъ смотрѣть на пострадавшіе сапоги.

— Что это? спросилъ онъ.

— Да вотъ—зайчики скушали... отвѣтилъ Гаврила.—И обои подъ диваномъ изволили ободрать-съ...

Дѣти сразу поняли, въ чемъ дѣло, и, чтобы не досталось отъ папы ихъ новымъ друзьямъ, выбѣжали вмѣстѣ съ ними въ садъ. Что происходило безъ нихъ въ столовой, они такъ и не узнали, потому что, когда мама позвала ихъ обратно въ столовую пить молоко, то папа нервно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и говорилъ:

— Это, благодарю покорно, себѣ дороже стодитъ! Сегодня они съѣли сапоги и изодрали подъ диваномъ обои, а завтра скушаютъ коверъ! Я совершенно упустилъ изъ виду, что кролики принадлежатъ къ породѣ грызуновъ и истребляютъ все, что только ни попадется имъ подъ зубы. А если принять во вниманіе, что ни одно животное въ мірѣ не обладаетъ такою способностью размножаться, какъ они, то тогда придется даже вонъ бѣжать изъ усадьбы! Жалѣю, что я ихъ купилъ.

Видно было, что папа былъ возбужденъ.

— Ты знаешь, Мари, обратился онъ къ мамѣ, что одна пара кроликовъ въ теченіи четырехъ лѣтъ мо-

жетъ размножиться до чудовищнаго числа въ 1.274.840 штукъ, и если бы ихъ не истребляли во множествѣ хищные звѣри и птицы, то отъ нихъ никому-бы не было житья.

— Но какъ-бы то ни было, отвѣтила мама,—а нужно пріискать для нихъ какое-нибудь подходящее помѣщеніе. Я люблю этихъ милыхъ звѣрковъ и очень буду рада, если и дѣти ихъ тоже полюбятъ. Куда-бы намъ ихъ помѣстить? Гдѣ они живутъ обыкновенно?

Папа еще разъ прошелся по комнатѣ и сказалъ:

— Кролики любятъ холмистыя песчаныя мѣстности, съ оврагами, поросшія мелкимъ кустарникомъ, и здѣсь, на солнечной сторонѣ роютъ себѣ норы. Каждая нора идетъ далеко въглубь земли и изгибается тамъ углами. Каждая парочка имѣетъ свою особую нору и въ ней не терпитъ никакого другого животнаго. Часто этихъ паръ бываетъ такъ много, что поселеніе кроликовъ походитъ на цѣлый городъ. Во Франціи кролики массаами живутъ по берегу Атлантическаго океана и ведутъ отчаянную борьбу съ приморскими птицами, которыя отнимаютъ у нихъ ихъ норы и поселяются въ нихъ сами. Часты случаи, когда возвратившись съ поисковъ за пищей, кроликъ застаетъ въ своей норѣ буревѣстника и вступаетъ съ нимъ въ бой. Побѣда почти всегда остается на сторонѣ буревѣстника и кролику приходится рыть себѣ новое жилище.

— Но вѣдь это во Франціи, сказала мама,—а здѣсь Россія. Надо придумать для нихъ такое помѣщеніе, гдѣ они могли-бы переночевать.

— Да гдѣ хочешь, отвѣтилъ папа.— Они отлично уживаются въ конюшнѣ вмѣстѣ съ лошадьми, въ коровникѣ и даже съ курами. Имъ нужно только давать побольше соломы или сухого мха и кормить сѣномъ, травой и сухими вѣниками и давать картошки.

Дѣти вышли опять изъ дома въ саль, а папа пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и сталъ заниматься дѣлами.

Вдругъ съ надворья донесся громкій крикъ Сони и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вбѣжалъ Митя, держа своего кролика въ рукахъ. На немъ не было лица.

— Что такое? спросили его папа и мама въ одинъ голосъ.

— Сонинъ кроликъ сейчасъ убѣжалъ! въ попыхахъ отвѣтилъ Митя.— Вырвался у нея изъ рукъ и убѣжалъ!

Сказавши эти слова, Митя снова выбѣжалъ изъ дома.

— Вотъ не было печали... сказалъ папа и нехотя поднялся съ кресла.— Надо пойти посмотреть, въ чемъ дѣло.

Когда онъ вышелъ на дворъ, то Соня стояла у флигеля и горько плакала.

— Туда... туда... всклипывала она, указывая на дырку въ фундаментѣ флигеля.— Онъ вырвался у меня изъ рукъ, бросился бѣжать, а за нимъ погнался Шарикъ. Тогда онъ испу-

гался, вскочилъ въ эту дырку и исчезъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ придется подождать до вечера, сказалъ папа.— Кролики цѣлые дни обыкновенно проводятъ у себя въ норахъ, а къ вечеру непременно вылѣзаютъ на воздухъ! Когда онъ вылѣзетъ, мы его и поймемъ.

Къ вечеру, дѣйствительно, кроликъ вылѣзъ изъ-подъ флигеля. Онъ сталъ на заднія лапки и съ недоумѣніемъ началъ обнюхивать воздухъ. Гаврила подкрался къ нему со стороны и поджидалъ только удобной минуты, чтобы броситься на него и схватить.

— Тише! Тише! говорилъ ему издалека папа.— Зрѣніе, слухъ и обоняніе у кролика лучше, чѣмъ у зайца! Постарайся, чтобы онъ тебя не замѣтилъ.

Но въ это время Гаврила уллучилъ минуту, бросился къ бѣглецу и схватилъ его за уши.

— Извольте, барышня! протянулъ онъ его къ Сонѣ.

Соня обрадовалась, прижала кролика къ себѣ и съ торжествомъ понесла его къ дому.

На ночь кроликовъ помѣстили въ конюшню, поставили тамъ для нихъ старое куриное гнѣздовье и положили имъ туда листьевъ капусты, морковки и картошки. Кролики тотчасъ-же бросились туда и принялись за ѣду.

Каждое утро Митя и Соня приходили къ нимъ, приносили имъ чего-нибудь вкуснаго, кролики выбѣ-

гали къ нимъ на встрѣчу, становились передъ ними на заднія лапки и скоро между ними и дѣтьми установились самыя близкія, довѣрчивыя отношенія. Кролики уже больше не боялись ихъ и перестали даже бояться Шарика. Да и Шарикъ, глядя на нихъ, только помахивалъ хвостомъ и на его мордѣ появлялось такое выраженіе, точно онъ хотѣлъ сказать:

— Стѣитъ-ли связываться съ такими трусишками!

Прошелъ мѣсяць. Какъ-то утромъ Соня и Митя прибѣжали въ конюшню къ кроликамъ и увидѣли новость: у кроликовъ появились дѣтки. Ихъ было восемь штукъ, они были слѣпы, а то мѣсто, на которомъ они лежали, было все устлано шертью.

— Смотри! обратился Митя къ Сонѣ. — Она выщипываетъ у себя шерсть съ груди!

И дѣйствительно кроликъ-мать выщипывала у себя шерсть на груди, лизала себѣ лапку, собирала шерсть мокрой лапкой и устилала ею свое гнѣздовье. Затѣмъ слѣпые кролики подползли къ ней и стали ее сосать.

Въ это время въ конюшню вошелъ папа.

— Папа, посмотри-ка! обратились къ нему дѣти. — У насъ новость!

Папа нагнулся надъ новою семьей и долго, молча, смотрѣлъ на кроликовъ.

— Да... сказалъ онъ. — Тоже мать вѣдь... Жалѣетъ своихъ ребятъ!.. А знаете, дѣти, обратился онъ вдругъ къ Митѣ и Сонѣ, — кажется, ни у однихъ звѣрей нѣтъ такого уваженія къ старшимъ, какъ у кроликовъ! Дѣти относятся у нихъ съ большимъ почтеніемъ къ родителямъ, а дѣдушки и прадѣдушки высоко чтятся цѣлымъ обществомъ кроликовъ. И если вся эта громадная семья куда-нибудь идетъ, то всегда дѣдушка идетъ впереди всѣхъ, а позади всѣхъ плетется какой-нибудь самый младшій внучекъ. И что дѣдушка захочетъ, то дѣлаетъ и вся семья.

— А долго еще они будутъ оставаться слѣпыми? перебила папу Соня, указывая ему на маленькихъ звѣрьковъ.

— Нѣтъ, не долго... отвѣтилъ папа. — Дней пять или шесть, не больше. Этимъ они отличаются отъ обыкновенныхъ зайцевъ, которые рождаются уже съ открытыми глазами.

Папа поднялся, размялъ свои отекашіе члены и вышелъ изъ конюшни, а дѣти еще долго сидѣли на корточкахъ передъ своей новою семьей и мечтали. Имъ представлялось цѣлое общество кроликовъ, съ дѣдушкой, бабушкой и внучатами и всѣ они стояли передъ ними на заднихъ лапкахъ и хлопали имъ своими ушами.

С. Вершининъ.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

Весна ужъ близко... Двѣ недѣли,
 Ну, много три, и глядь—грачи
 Ужъ къ намъ гнѣздиться прилетѣли!
 А тамъ ужъ Пасха, куличи,
 И съ ними красныя яички...
 Повсюду зелень будетъ, птички
 На вѣткахъ будутъ распѣвать
 И гнѣзда теплыя свивать.
 А чуть начнетъ темнѣть, смеркаться,
 Какъ въ чащѣ лѣса межъ вѣтвей
 Вдругъ пѣсня станетъ раздаваться:
 То запоетъ нашъ соловей.

И вечеръ теплый и росистый
 На землю спустится съ небесъ
 И нашъ соловко голосистый
 Наполнитъ пѣньемъ сонный лѣсъ.
 Но иногда и такъ бываетъ,
 Что солнце цѣлый день сіяетъ,
 Проглянутъ кое-гдѣ цвѣты,
 И вдругъ—снѣжокъ... Прощай, мечты!
 Такъ грустно станетъ и похоже,
 Какъ будто осень къ намъ пришла,
 И вдругъ морозъ пройдетъ по кожѣ
 И такъ захочется тепла!

И мы садимся у камина,
 Трещать дрова... Но ляжемъ спать,
 Проснемся утромъ и картина
 Предъ нами лѣтняя опять.

Кузнечикъ.

А Л Ы Е М А Қ И.

Сереза заболѣлъ еще зимой. Возвращаясь съ елки отъ знакомыхъ, онъ простудился и началъ кашлять. Понемногу онъ слабѣлъ; щеки ввалились, глаза стали большими и темными, и на лицѣ то появлялись, то исчезали два яркихъ розовыхъ пятна. Скоро онъ уже не могъ подыматься съ постели и лежалъ по цѣлымъ днямъ въ своей комнаткѣ, оклеенной голубыми обоями. Ему поку-

пали много игрушекъ; но ему трудно было играть, и онъ печально укладывалъ сѣрыхъ лошадокъ, яркихъ оловянныхъ солдатиковъ, паровозъ и вагоны и большой, совсѣмъ солдатскій, барабанъ на одѣяло и смотрѣлъ, повернувъ голову къ окну, на кусокъ неба, виднѣвшійся надъ крышею сосѣдняго дома.

Небо большею частью бывало скучное, печальное, и отъ вида этого неба

Свалилась.

Въ южной Италиі

Сережѣ становилось еще грустнѣе. Когда приходила мама, онъ бралъ ее за руку и говорилъ:

— Мама, расскажи мнѣ сказку про цвѣты...

Больше всего любилъ онъ эту сказку про цвѣты, про алые нѣжные маки.

Мама садилась рядомъ съ кроваткой Сережи въ глубокое кожаное кресло и начинала тихимъ, тихимъ, какъ шелестъ сосенъ въ старомъ бору, голосомъ:

— Далекъ, далекъ, по берегу синяго моря, надъ теплымъ небомъ, лежитъ счастливая свѣтлая страна... И лѣто и зиму въ ней тепло и цвѣтутъ разные цвѣты...

— И снѣгу, мама, тамъ не бываетъ?

— Не бываетъ и снѣгу... Яркое свѣтитъ солнце, ласкается къ берегу тихое прозрачное море... По ночамъ сияетъ мѣсяцъ... Изъ всѣхъ странъ приѣзжаютъ туда больные и скорбящіе люди... Когда ѣдутъ они туда, душа ихъ бываетъ темна, какъ темная и холодная ночь, они плачутъ потихоньку и жалуются на свои печали... Но, стоитъ имъ увидѣть ясное небо и синее море, стоитъ имъ послушать шумъ прозрачныхъ морскихъ волнъ, подышать душистымъ и теплымъ воздухомъ,—они начинаютъ улыбаться и отъ улыбокъ ихъ расцвѣтаютъ яркіе алые цвѣты—алые, нѣжные маки... Оттого въ этой странѣ лѣтомъ повсюду видны алые маки... Въ горныхъ долинахъ лежатъ синія тѣни—это старыя печали, темныя сосны одѣ-

ваютъ вершины горъ,—это—темный страхъ бѣдныхъ людей, напуганныхъ болѣзнями и страданіями; алый макъ—ихъ радостныя улыбки, ихъ смѣхъ, ихъ свѣтлыя надежды...

— Они, мама, выздоравливаютъ тамъ?

— Да, выздоравливаютъ... И мы поѣдемъ туда... Вотъ станетъ теплѣе, сойдетъ снѣгъ, появятся у насъ первые цвѣточки, и мы поѣдемъ туда, далеко, далеко на югъ...

— Ты мнѣ наберешь тогда алыхъ маковъ?

— Да, мой мальчикъ...

— И я тоже выздоровѣю?

— Да, мой милый, мой славный мальчикъ...

Проходили дни за днями. Иногда заглядывало въ комнату солнце, иногда на дворѣ бывало сумрачно и холодный вѣтеръ завывалъ въ трубу...

Сережѣ становилось все хуже, все глубже уходили куда-то его глаза, все тоньше и прозрачнѣе становились руки.

И часто онъ повторялъ тихо и грустно:

— Когда же мы поѣдемъ, мама, туда, гдѣ алые маки?..

— А вотъ скоро. Кончитъ папа дѣла, достанетъ денегъ... Ты знаешь, что такое деньги?

— Да. На нихъ можно покупать игрушки...

— Ну, вотъ... На нихъ покупаютъ игрушки и хлѣбъ, и сапожки и все... Нужно дать денегъ и на желѣзной до-

рогѣ, чтобы ѣхать туда, гдѣ цвѣтутъ алые маки; а у папы ихъ нѣтъ... Подожди немного...

Мама отворачивалась тихонько и смахивалась глазъ набѣгавшія въ нихъ слезы, а Сережа лежалъ неподвижно и смотрѣлъ на клочекъ неба надъ крышей сосѣдняго дома...

Прошелъ великій постъ съ его печальнымъ и протяжнымъ благовѣстомъ, прошла Пасха... Выставили въ комнатѣ рамы, и слышно стало въ открытое окно, какъ шумятъ на улицѣ извозчики, какъ звонятъ трамваи, какъ выкрикиваютъ разными голосами разнощики...

Наконецъ однажды утромъ пришелъ папа и сказалъ:

— Завтра съ вечернимъ поѣздомъ можете ѣхать... Я уже взялъ билеты...

Сережа улыбнулся и повернулъ къ мамѣ блѣдное лицо.

— Значить, скоро я увижу алые маки?..

— Да, да... Скоро, скоро...

— И выздоровлю?

— И выздоровѣешь, и станешь розовымъ и веселымъ, и будемъ мы гулять съ тобою по берегу синяго моря и собирать разноцвѣтные камешки...

Когда выѣзжали изъ Петербурга, лилъ дождь, и въ окно вагона видны были только тускляя, обмокшія поля, грязныя дороги и жалкія темныя деревни...

И на другой день былъ дождь. Откуда-то дуло. Острый кашель то и дѣло заставлялъ Сережу подыматься

и хвататься руками за больную грудь...

— Гдѣ же, мама, маки?..

— Будутъ; скоро, скоро будутъ...

Подожди, мой милый...

На границѣ пересаживались, потомъ пересаживались въ Берлинѣ...

А дождь все лилъ и лилъ и сплывалъ прозрачными каплями по стекламъ вагоновъ...

Только на третій день проглянуло солнце и Сережа увидѣлъ вокругъ высокія горы, такія высокія, что на вершинахъ ихъ лѣжали вѣчные снѣга, и бродили клочками, цѣпляясь за выступы, пушистыя бѣлыя тучи... Ниже зеленѣли, покрытыя цвѣтами и густой травой, пастбища; еще ниже видны были деревни съ чистыми домиками, съ высокими колокольнями; въ долинахъ извивались пѣнистыя рѣки...

Картины смѣняли одна другую— то виднѣлось отливавшее бирюзой озеро, то подымался вдругъ на скалѣ старинный замокъ, то спѣшила куда-то толпа путешественниковъ въ огромныхъ соломенныхъ и войлочныхъ шляпахъ и съ длинными палками въ рукахъ...

Иногда поѣздъ входилъ въ тунели—подземные ходы, вырытые въ горахъ для желѣзной дороги, — тогда въ вагонахъ становилось темно и душно, и страшно было думать, что находишься такъ глубоко подъ землей, подъ желтыми скалами; и лампы едва освѣщали какую-то совсѣмъ особую, страшно густую тьму...

Италію проѣзжали ночью. И Се-

режа не видѣлъ ни ея плодородныхъ полей, ни ея городковъ съ бѣлыми колокольнями и веселой, пестро-разряженной толпой...

Солнце уже было высоко, когда Сережа поднялъ голову, взглянулъ въ окно и вдругъ крикнулъ:

— Ахъ, какъ хорошо... Смотри мама...

Синее-синее прозрачное море ласкалось къ мѣловымъ скаламъ. Оно подходило мѣстами къ самой насыпи желѣзной дороги...

Ослѣпительно ярко свѣтило солнце, такъ ярко свѣтило, какъ оно никогда не свѣтитъ у насъ...

И повсюду изъ зелени, изъ множества цвѣтовъ выглядывали розовые и бѣлые домики съ красными черепичными крышами.

Иные были удивительно затѣйливо построены, съ зубчатыми стѣнами, съ большими верандами, съ башенками...

И надъ всѣмъ этимъ раскидывалось темно-синее, синее, какъ васильки, небо.

— Какъ хорошо, какъ хорошо! повторялъ Сережа.

И мама улыбалась его радости и казалось ей, что поправится ея мальчикъ, что скоро станетъ розовымъ и свѣжимъ его лицо, скоро станетъ звонкимъ его слабый теперь голосъ...

Часть берега Средиземнаго моря у подножя Приморскихъ Альпъ называютъ «голубыми» берегами.

Онъ весь закутанъ свѣтящейся голубоватой дымкой, придающей ему обликъ сказки. Легкій и мягкій обликъ.

— Мама, смотри, мама — красные маки, алые маки...

Нѣжные, на тонкихъ стебляхъ, они осѣли кругомъ, какъ пятнышки свѣжей крови...

Поѣздъ миновалъ уже Ниццу и направлялся къ Марселю.

Холмы были покрыты серебристо-зелеными рощами старыхъ маслинъ, въ долинахъ лежали синія тѣни, а на полянкахъ, вдоль желѣзно-дорожной насыпи, между кустами и деревьями алѣли маки...

Остановились Сережа и мама уже за Канномъ. Маленькая станція дремала въ жаркихъ лучахъ солнца. Тихо было, и только длинныя волны съ глухимъ и ровнымъ шумомъ обрушивались на чистый желтый песокъ...

Въ покойной коляскѣ доѣхали до гостиницы. Она едва виднѣлась изъ гущи виноградныхъ лозъ и фиговыхъ деревьевъ. А передъ нею, на большой и ровной площадкѣ разбросанъ былъ цвѣтникъ съ тысячами розъ, лилій, левкоевъ, гераній...

Сережа съ мамой помѣстились въ большой и свѣтлой комнатѣ, выходящей окнами прямо къ морю. Мама долго разбиралась съ вещами, перекладывала, устанавливала все, а Сережа лежалъ тихонько на диванѣ и смотрѣлъ, какъ искрится яркими искрами отъ лучей заходящаго солнца синяя вода, смотрѣлъ на оливковые рощи, на фиговья деревья съ лап-

чатыми листьями, на пестрые домики.

Ночью ему сдѣлалось вдругъ очень худо. Онъ кашлялъ и задыхался... но къ утру стало легче и онъ тихо заснулъ...

Мама встала рано, рано, набрала огромный букетъ алыхъ маковъ и положила его на кровать рядомъ съ Сережей.

Онъ проснулся и сейчасъ же позвалъ:

— Мама...

— Что, мальчикъ мой?

— Мамочка, мама... зашепталъ Сережа, прижимаясь къ мамѣ,—мамочка... зачѣмъ я кашляю такъ?.. Зачѣмъ я такой больной? Мамочка...

Мама гладила его по головѣ и говорила:

— Ну чего, чего ты? Вотъ я принесла тебѣ маковъ, алыхъ нѣжныхъ маковъ... Попробуй, какіе славные прохладные у нихъ лепестки... Вѣдь ты любишь алые маки?

— Да, мама...

— Они такіе нѣжные... Ихъ ласкаетъ вѣтеръ, и они покорно клонятся...

— Я выздоровлю, мама?..

— Да, мой милый, славный мой, да... Ты выздоровѣешь... Мы будемъ гулять вмѣстѣ и собирать цвѣты, мой милый, мой дорогой мальчикъ...

А у мамы дрожали губы, глаза наполнились слезами.

Каждый день мама приносила алыхъ маковъ. И Сережа игралъ ими, перебиралъ ихъ своими худыми руками;

а лицо его становилось все блѣднѣе, все печальнѣе глядѣли глаза его.

Онъ не спрашивалъ уже маму, какъ раньше:

— Я выздоровлю, мама?

Онъ шепталъ только, когда ему тѣснило въ груди и не могъ онъ вздохнуть отъ кашля:

— Мнѣ будетъ лучше?

— Да, да... мой маленькій мальчикъ, тебѣ будетъ хорошо, хорошо... Послушай,—море поетъ и рассказываетъ прозрачную сказку... Послушай—шелестятъ по скату старья сосны... Вотъ принесла я тебѣ опять алыхъ маковъ, твоихъ любимыхъ маковъ...

— Отъ нихъ мнѣ будетъ лучше?

— Да, да... Отъ алыхъ маковъ, мой славный мальчикъ...

— А о чемъ поетъ море?..

— Оно рассказываетъ о сокровищахъ, которыя скрыты на днѣ. О разноцвѣтныхъ раковинахъ, о длинныхъ волнистыхъ водоросляхъ, о стаяхъ юркихъ рыбокъ, о кустахъ красныхъ, розовыхъ и бѣлыхъ коралловъ.

— А сосны о чемъ шелестятъ?

— Онѣ растутъ высоко на горѣ и видятъ далекіе корабли и пароходы, видятъ бурю на морѣ, видятъ, какъ встаетъ и садится золотое солнце...

— Мнѣ страшно, мама...

— Чего тебѣ страшно, мой милый мальчикъ?..

— Не знаю... Мнѣ страшно, мнѣ холодно, мама.

— Дай я согрѣю твои руки...

— Мама, я боюсь... Кто-то холодный и теплый здѣсь...

— Никого нѣтъ...

Сережа притаилъ голову у мамы на груди, прижимался къ ней, обнималъ ее...

Изъ-за моря встаетъ—подымается солнце горячее—сыплеть безъ мѣры и счета лучи...

Раню проснулся Сережа и радостно маму зоветъ:

— Мама, а мама, послушай, мнѣ лучше; сегодня легко мнѣ дышать...

— И грудкѣ не больно?

— Не больно... Ты слышишь, тамъ звонять за соснами въ маленькой церкви...

— Я слышу, мой мальчикъ... Я слышу...

— А скоро пойдѣмъ мы гулять?

— Теперъ уже скоро—вотъ солнце и вѣтеръ дадутъ тебѣ силы...

— И алые, мамочка, маки?

— И алые маки, мой милый.

Сережа и мама ходятъ по берегу моря.

Море сегодня свѣтлое и прозрачное—ровными волнами, чуть слышно журча, набѣгаетъ оно на камни и желтый песокъ...

Тамъ, на верху, по скату горы, шепчутся пригрѣтыя солнцемъ сосны; и тихо перебираютъ тонкими листьями серебристые оливки.

Въ травѣ на холмахъ алѣютъ нѣжные маки.

Сегодня ихъ праздникъ и праздникъ горячаго солнца.

— Слышали?—шепчутъ алые маки къ старымъ соснамъ и серебристымъ оливкамъ, и свѣтлому морю, и солнцу высокому,—слышали?—гость нашъ поправился, маленькій сѣверный гость.

Сережа выздоровѣлъ.

Алые маки по вѣтру колышатся, алые маки чуть слышно поютъ:

— Радуйте, радуйте, — гость нашъ поправился, маленькій сѣверный гость...

Николай Федоровъ.

ВСЕ СНѢГЪ И СНѢГЪ...

Все снѣгъ и снѣгъ, куда ни кинешь
взоры,—

И гаснетъ день въ холодной зимней
мглѣ,

Искрятся снѣжные узоры
На замороженномъ стеклѣ...

Какъ этотъ холодъ намъ наскучилъ!

Деревья всѣ сковало льдомъ

И намело изъ снѣга кучи

У насъ метелью подъ окномъ.

Когда-же къ намъ весна вернется

Въ сянни солнечныхъ лучей

И пѣсней звонкою залется

Въ кустахъ сирени соловей?

Но на дворѣ морозъ крѣпчаетъ

И свѣтитъ холодно луна,

Метель уныло завываетъ,—

Нѣтъ, далека еще весна!..

Е. Селунская.

СИРОТА.

По разсказу Ф. Бернеттъ ¹⁾.

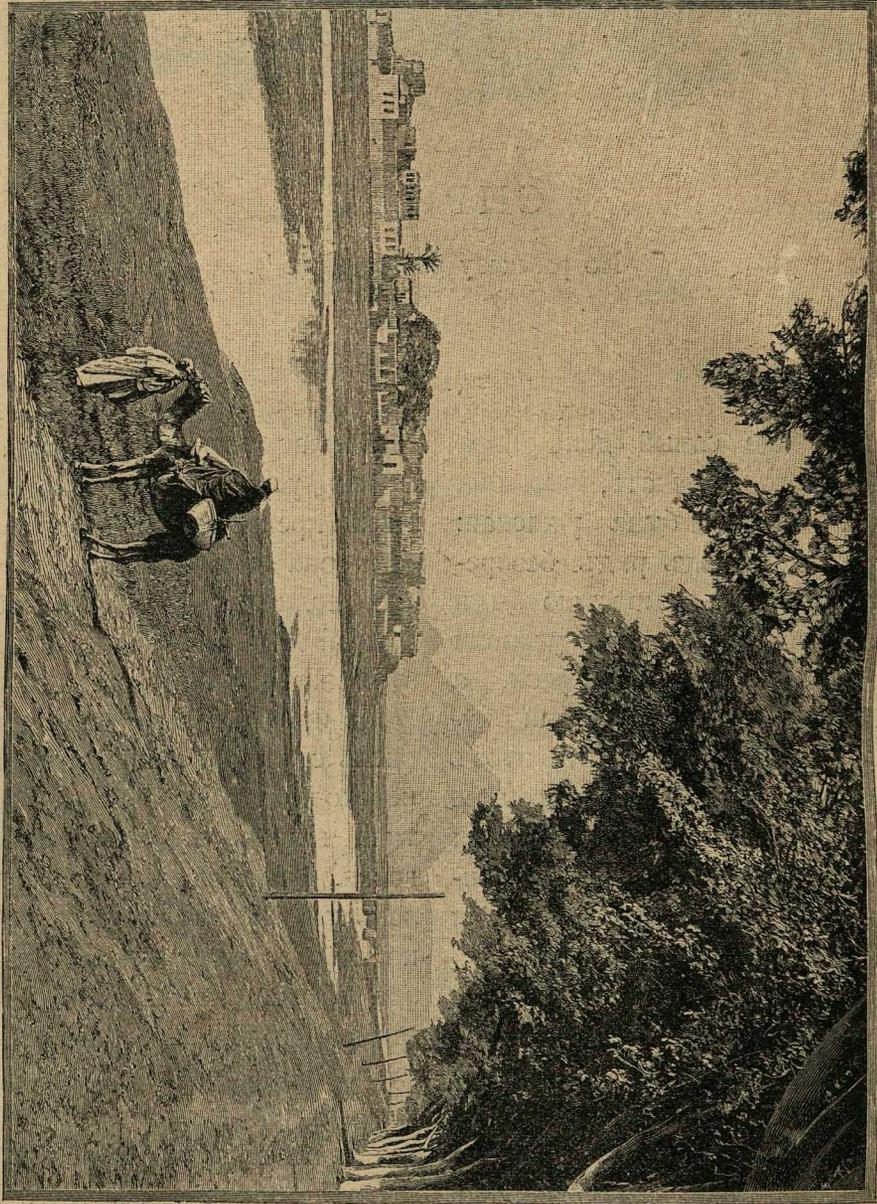
II.

Въ этотъ же самый день Сара могла на дѣлѣ показать, что она принцесса. Погода была ужасная: нѣсколько дней подъ рядъ безпрерывно шелъ дождь, сыростью былъ пропитанъ воздухъ, улицы утопали въ клейкой лондонской грязи, а сверху висѣлъ непроницаемый туманъ. Сарѣ по обычаю въ этотъ день пришлось ходить въ отдаленные кварталы, за разными покупками. Ея одежда насквозь промокла, поношенные башмаки впитывали въ себя грязную воду, а на старой шляпѣ старое, развѣвшееся перо болталось, какъ тряпка. Кромѣ того бѣдняга въ наказаніе за грубость была лишена обѣда. Ей было холодно, она очень проголодалась и на усталомъ лицѣ было написано такое изнуреніе, что это вызывало искреннюю жалость во многихъ встрѣчавшихся ей прохожихъ, но ей было не до того; она

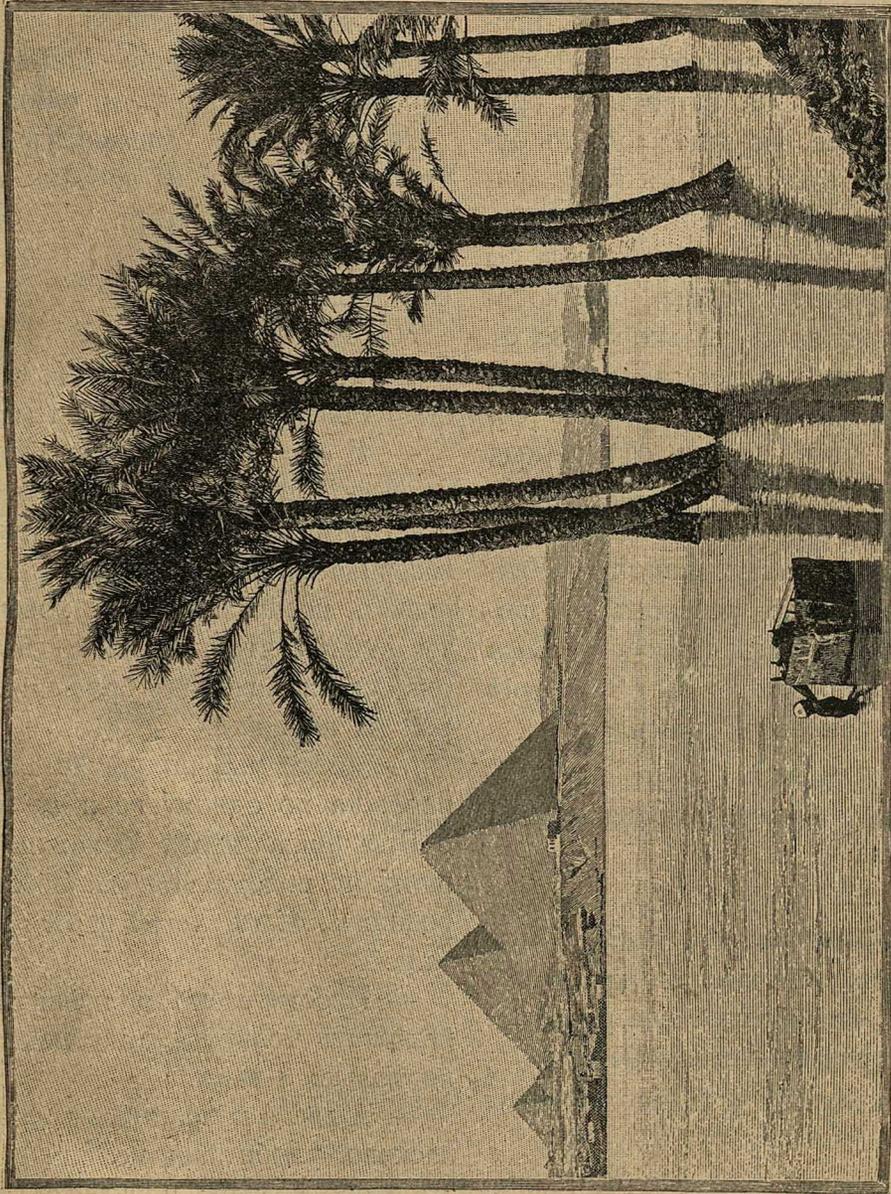
торопилась съ порученіемъ, старательно успокаивая себя несбыточными предположеніями. На этотъ разъ она воображала такъ:—Ну, а что, если бы я нашла на улицѣ деньги? Я сейчасъ бы купила на нихъ въ ближайшей булочной хлѣба.

Но иногда приключаются на свѣтѣ очень странныя вещи. Вотъ и теперь, переходя черезъ улицу, Сара замѣтила вдругъ что-то блестящее въ грязи. Нагнувшись, она увидѣла маленькую серебряную монету, вѣроятно давно потерянную, такъ какъ она была сплошь почти покрыта грязью. Когда монетка уже чистенькая, блестящая очутилась въ Сариной посинѣвшей рукѣ, о! тогда только она могла сказать себѣ: «Это правда, а не сонъ». Она взглянула въ окна сосѣдней лавки—это была булочная—и здоровенная, раскраснѣвшаяся женщина ставила на окно

¹⁾ St-Nicolas. Vol. XV. New-York. «Sarah Crew».

Нить въ обыкновенное время.

Ниль во время разлива.

блюда, полныя горячихъ пирожковъ съ изюмомъ. О нихъ именно такъ еще недавно мечтала Сара. У нея закружилась голова отъ одного запаха теплаго, вкуснаго хлѣба, пробивавшагося изъ полуоткрытой двери булочной. Она тотчасъ-же бросилась въ нее. Но при входѣ въ булочную ей бросилась въ глаза фигурка, выглядѣвшая еще несчастнѣе, чѣмъ она сама. Это былъ какъ бы комокъ грязнаго тряпья, изъ котораго высовывалась только голова съ всклокоченными волосами и большими, голодными глазами, да пара совершенно посинѣвшихъ отъ холода ногъ. Увидѣвъ несчастное существо, Сара сейчасъ-же почувствовала къ ней самую горячую симпатію. Увидѣвъ входившую, ребенокъ отодвинулся, чтобы дать ей дорогу. Сара еще разъ пощупала въ своей рукѣ монету и наконецъ спросила:

— Ты голодна?

Дѣвочка удивленно подняла глаза и отвѣтила.

— Да...

— Ты развѣ не обѣдала?

— Нѣтъ, отвѣчала та охрипшимъ голосомъ, еще больше заворачиваясь въ свое тряпье.—Ничего не ѣла.

— Сколько-же времени ты голодаешь?

— Не знаю!

— Подожди минутку.

Сказавши это, Сара вошла въ булочную; здѣсь было тепло и пахло очень вкусно. Булочница только что

собиралась поставить новое блюдо съ пирожками на окно.

— Здравствуйте, произнесла Сара, входя въ булочную и обращаясь къ хозяйкѣ;—не потеряли ли вы здѣсь, на улицѣ, около вашего крыльца себрюную монетку въ 4 пени?

Женщина съ удивленіемъ посмотрѣла на Сару и на обноски, въ которые она была одѣта.

— Нѣтъ, отвѣтила она, —это ты ее нашла?

— Да.

— Такъ оставь ее себѣ, можетъ быть она лежала тамъ недѣлю?

— Я это знаю, отвѣтила Сара,—но все-таки рѣшила спросить васъ.

— Немногіе сдѣлали бы это, проговорила булочница, пораженная Саринимъ поступкомъ.—Не хочешь ли ты купить что нибудь, продолжала она, уловивъ взглядъ брошенный Сарой на пирожки.

— Дайте мнѣ пожалуйста четыре пирожка по одному пени за штуку.

Булочница взяла бумажный мѣшокъ и положила туда шесть пирожковъ. Сара увидѣла это и сказала:

— Простите, но я просила васъ положить только 4, такъ какъ у меня только 4 пени.

— А два я положила въ придачу, ласково улыбнулась женщина, вѣдь ты вѣрно голодна и сумѣешь съѣсть всѣ шесть?

Въ это время въ булочную вошли два покупателя, которые куда-то торопились, и потому Сара могла толь-

ко еще разъ поблагодарить добрую булочницу и выйти. Голодная дѣвочка продолжала сидѣть у крыльца. На нее страшно было смотрѣть — такая она была грязная, несчастная. Сара открыла мѣшокъ съ горячими пирожками.

— Съѣшь это, сказала она, и ты не будешь такъ голодна.

Дѣвочка съ широко раскрытыми глазами стала смотрѣть на Сару, а потомъ схватила пирожокъ и жадно принялась его ѣсть.

Одинъ за другимъ всѣ шесть пирожковъ оказались въ рукахъ маленькой дикарки, которая жадно уплетала ихъ, даже не глядя на далеко уже отошедшую Сару.

— Прощай! крикнула ей Сара, перебѣжавъ на другую сторону улицы и кивнувъ ей привѣтливо головкой.

Въ это время булочница выглянула въ окно и вскрикнула отъ удивления:

— Господи! никакъ эта дѣвочка отдала свои пирожки нищей? Да вѣдь она сама-то совсѣмъ голодная!

Нѣсколько минутъ добрая женщина простояла, глядя въ окно, потомъ вышла на улицу и спросила у нищей:

— Кто тебѣ далъ эти пирожки?

Та указала пальцемъ на удаляющуюся фигурку Сары.

— Что-же она тебѣ сказала?

— Спросила, голодна ли я, отвѣчала дѣвочка.

— И что-же ты отвѣтила?

— Я ей сказала, что голодна.

— И тогда она вошла въ лавку, купила пирожковъ и дала ихъ тебѣ? Неправда ли?

Нищая утвердительно кивнула головой.

— Сколько пирожковъ дала она тебѣ?

— Шесть.

Женщина задумалась:

— А могла бы съѣсть всѣ сама, подумала она.—Я по ея глазамъ видѣла, что она очень голодна.

Она посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ скрылась Сара, и сказала себѣ:

— Какая досада, что ея уже не догнать, а то я дала бы ей цѣлую дюжину этихъ пирожковъ.

— Ты еще голодна? спросила она у нищей.

— Я всегда голодна, отвѣтила та.

— Пойдемъ ко мнѣ, сказала булочница и впустила ее въ дверь.

Промерзшему, полуголодному ребенку очутиться въ теплой и свѣтлой булочной показалось чѣмъ-то неземнымъ.

— Согрейся здѣсь, сказала женщина, отводя ее въ маленькую комнату, гдѣ весело потрескивалъ въ каминѣ огонь,—а потомъ приходи, я дамъ тебѣ какого угодно хлѣба, ради той доброй дѣвочки.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда Сара дошла, наконецъ, до сквера, въ которомъ находился пансіонъ г-жи Минчинъ. Окна всѣхъ домовъ были уже освѣщены. Сара всегда любила смотрѣть въ освѣщенные окна, пока еще шторы не были спущены. Она лю-

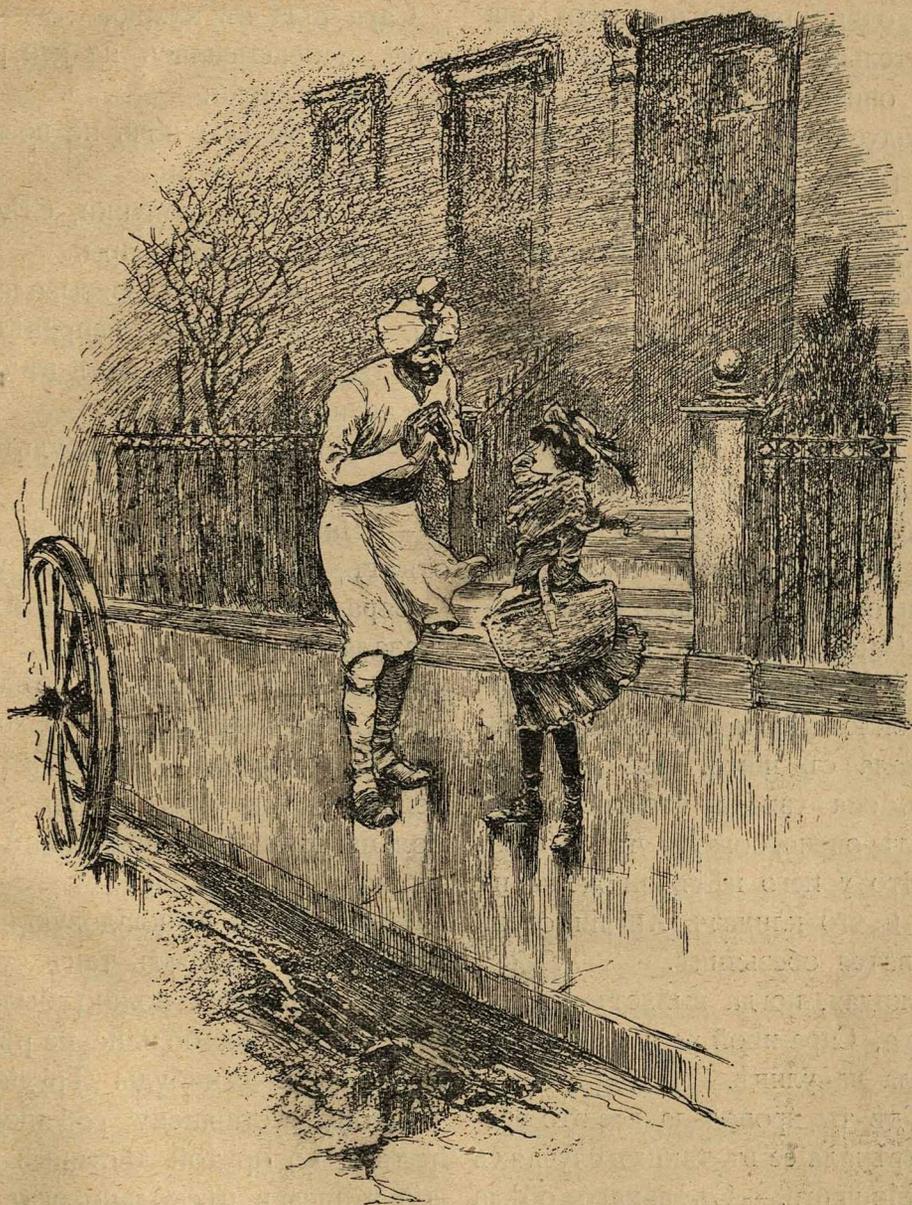
била представлять себѣ тамъ людей сидящими передъ каминомъ въ дружеской бесѣдѣ или склонившимися надъ книгами. Напримѣръ, противъ пансіона жила какая-то большая семья. Въ этой семьѣ было восемь человѣкъ дѣтей, красивая, здоровая мать, красивый, здоровый отецъ, славная старая бабушка и безчисленное количество прислуги. Всѣ восемь дѣтей всегда или гуляли съ симпатичными нянями, или ѣздили катать-

ся съ матерью, или кружились по вечерамъ вокругъ отца, ласкались къ нему, снимали съ него пальто и искали лакомствъ въ его карманахъ, или же толпясь у оконъ дѣтской, со смѣхомъ смотрѣли на улицу. Вообще все семейство всегда казалось радостнымъ, довольнымъ. Сара была прямо привязана къ нимъ и называла ихъ именами, взятыми изъ любимыхъ своихъ книгъ.

Рядомъ съ этимъ семействомъ жила дѣвица съ компаньонкой, двумя попугаями и собачкой. Сара не особенно любила ее, потому что она только и дѣлала, что говорила съ попугаями или каталась съ собакой. Но самый интересный человѣкъ для Сары жилъ рядомъ съ г-жей Минчинъ. Сара называла его «индійскимъ господиномъ». Про него говорили, что онъ раньше жилъ въ Индіи, что онъ обладаетъ громаднымъ состояніемъ и что онъ боленъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ очень желтый и выглядѣлъ несчастнымъ. Выѣзжая кататься даже, въ теплую погоду онъ укутывался пледами и платками. У него былъ лакей-индусъ и маленькая обезьянка, оба холодные и неприступные, какъ ихъ хозяинъ. Когда Сара видѣла обезьянку сидящую на окнѣ и грѣющуюся

— Съѣшь это!.. сказала она.

И ожидая, когда выйдетъ слуга, Сара иной разъ долго простаивала на улицѣ.

на солнцѣ съ грустнымъ выраженіемъ мордочки, она всегда сочувствовала ей.

— Должно быть, думалось ей, у нея осталась дома семья, о которой она груститъ.

Лакей-индусъ выглядѣлъ тоже очень печальнымъ, но, повидимому, былъ безгранично преданъ своему господину.

— А что, если бы я поговорила съ нимъ на его родномъ языкѣ? Пожалуй, я его еще немного помню.

И въ одинъ прекрасный день она дѣйствительно съ нимъ заговорила. Трудно описать, съ какимъ восторгомъ индусъ услышалъ звуки своей родной рѣчи! Онъ стоялъ, ожидая выхода своего хозяина на прогулку, когда Сара, шедшая за покупками, рѣшилась заговорить съ нимъ. Она была замѣчательно способна къ языкамъ и достаточно помнила по-индѣйски, чтобы ее можно было понять. Когда «Индѣйскій Господинъ» вышелъ на подъѣздъ, слуга подошелъ къ нему и началъ что-то быстро-быстро ему объяснять, послѣ чего оба они очень пристально посмотрѣли на Сару. Съ тѣхъ поръ слуга всегда привѣтствовалъ ребенка низкими поклонами и она изрѣдка заговаривала съ нимъ. Изъ его разсказовъ она узнала, что господинъ его былъ очень богатъ, что онъ боленъ, что у него нѣтъ ни жены, ни дѣтей, и что климатъ Англіи очень не нравится обезьянкѣ.

И ожидая, когда выйдетъ на улицу слуга, Сара иной разъ долго простаивала на улицѣ.

— Гдѣ ты пропадала все это время? встрѣчала ее въ такихъ случаяхъ г-жа Минчинъ. — Съ самага обѣда тебя не было дома!

— На улицахъ такъ грязно и скользко, отвѣчала Сара, — что мнѣ, въ моихъ рваныхъ, истоптанныхъ башмакахъ было очень трудно идти.

— Не ври! кричала г-жа Минчинъ, — и отправляйся въ свою комнату.

Сара шла въ кухню, гдѣ съ крикомъ набрасывалась на нее разсерженная кухарка:

— Ты бы всю ночь не возвращалась домой!

— Вотъ всѣ покупки, слѣдоваль спокойный отвѣтъ Сары.

Ворча, кухарка развязывала пакеты. Всегда угрюмая, непривѣтливая, она была въ этотъ рѣзь въ особенно дурномъ настроеніи.

— Можно мнѣ чего нибудь поѣсть? попросила Сара.

— Чай давно отпить, былъ отвѣтъ, — даже и посуда уже убрана.

Сара промолчала, а потомъ тихо сказала:

— Я вѣдь сегодня не обѣдала.

— А мнѣ какое дѣло? Сходи въ кладовую, — тамъ можетъ быть найдешь остатки вчерашняго хлѣба и больше ко мнѣ не приставай — слышишь!

Сара пошла въ кладовую и нашла хлѣбъ, но онъ былъ такъ сухъ, что его съ трудомъ можно было ѣсть. У кухарки она больше не рѣшалась просить чего-нибудь. Трудно было бѣдному, уставшему ребенку взбираться по крутой лѣстницѣ на третій этажъ и нѣсколько разъ приходилось ей присаживаться на ступенькѣ, чтобы перевести духъ.

— Сегодня я уже ничего не могу предполагать, подумала она, — доберусь до своей комнаты, съѣмъ хлѣбъ, запью его водой да и лягу спать, можетъ быть сонъ принесетъ мнѣ что нибудь пріятное.

Когда она наконецъ достигла третьяго этажа, то ей уже не казалось больше, что она какая-нибудь сказочная принцесса, напротивъ, она чувствовала себя вполне одинокой, никому не нужной дѣвочкой!

«Если бы папа былъ живъ», думалось ей, — «онъ не посмѣли бы такъ поступать со мною. О, если бы только онъ былъ живъ!..»

Сара повернула ручку и отворила дверь каморки. То — что представилось ея глазамъ — показалось ей невозможнымъ, сказочнымъ сномъ на яву.

— Нѣтъ, воскликнула она, — это не правда, это не можетъ быть!

Она вошла, затворила за собою дверь, заперла ее, и прислонившись къ косяку, еще разъ пристально оглядѣлась кругомъ. Что же это такъ поразило ее? Въ каминѣ, который раньше никогда не топился, горѣло яркое пламя, на немъ кипѣлъ маленький чайникъ, на полу лежалъ небольшой коверъ; передъ каминомъ стояло кресло, на которомъ лежало нѣсколько красивыхъ подушекъ; около кресла стоялъ столикъ, покрытый бѣлоснѣжной скатертью, на столѣ было поставлено нѣсколько тарелокъ и чашка на блюдечкѣ. Кровать была покрыта чистымъ бѣльемъ, рядомъ съ нею стоялъ стулъ съ разложеннымъ на немъ чуднымъ шелковымъ

капотомъ, а на скамейкѣ виднѣлось нѣсколько книгъ! Маленькая, холодная каморка сразу превратилась въ уютный уголокъ.

— Это волшебство! проговорила Сара, или только обманъ зрѣнія? Но вѣдь если бы все это было не правда, то я бы не чувствовала тепла отъ камина.

Она подошла, подсѣла на корточкахъ около огня и тогда только убѣдилась въ дѣйствительности всего ею видѣннаго. Еще разъ оглянула она всю комнату; съ любопытствомъ подняла она крышку съ тарелки, заглянула подъ нее и потянула воздухъ; оттуда пахнуло чѣмъ-то вкуснымъ, и показался цѣлый ципленокъ. На другой тарелкѣ красовались пирожки, на третьей — тартинки съ сыромъ и ветчиной. Все это было дѣйствительно на яву. Сара до такой степени сжилась со своими обычными грезами, что эта сказочная для всякаго перемѣна, скоро перестала удивлять ее. Послѣ ужина и чая, начитавшись вдоволь новыхъ книгъ, она улеглась спать. Но долго еще размышляла она: кто бы могъ сдѣлать ей такой пріятный сюрпризъ? И рѣшительно никакъ не могла даже предположительно разяснить себѣ этотъ мудреный вопросъ.

В. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1) Почему люди ходятъ не на головѣ, а на ногахъ?

(Предложилъ Миша Русіевъ).

2) Почему птицы улетають осенью въ теплыя страны?

(Предложила Стрекоза).

3) Изъ какого полотна нельзя сшить рубашку?

(Предложили Донской казачокъ).

4) Отчего луна не изъ чугуна?

(Предложила Нина Бриксъ).

ГОЛОВОЛОМКА.

Отъ каждой фразы взять по одному слову и составить начальныя строки извѣстнаго стихотворенія?

1) Что на вѣткѣ такъ уныло, птичка милая, сидишь?

2) Пчела, жужжа, пролетѣла надъ ухомъ.

3) Первую, подаренную мнѣ куклу, я назвалъ моимъ именемъ.

4) Въ Швейцаріи передъ окошкомъ открывался видъ на горы.

5) Птицы, возвращающіяся изъ теплыхъ странъ, большею частью отыскивають свое прежнее гнѣздышко.

6) Онъ всю свою жизнь посвятилъ для другихъ.

7) Птичка такъ же любитъ своихъ птенчиковъ, какъ мать своихъ дѣтокъ.

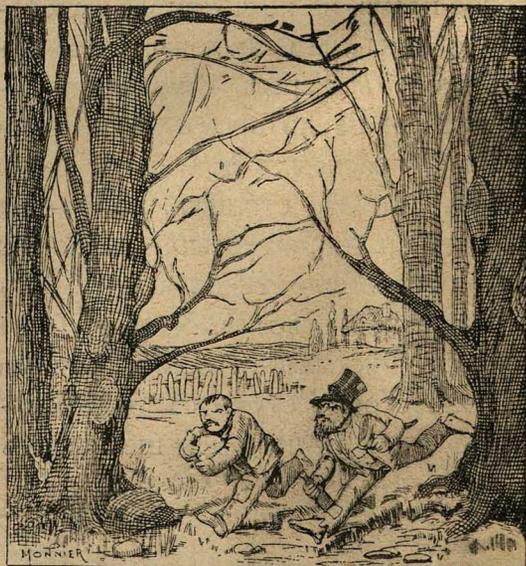
8) Я прочелъ одинъ рассказъ— почему кукушка не вьетъ своего гнѣзда.

(Предложилъ Миша Оболенскій).

Рѣшеніе головоломки, помѣщенной въ № 8 „Золотого Дѣтства“: Барсукъ, Лось, Страусъ, Галка, Лиса, Орель, Воронъ.

Впрямь рѣшенія прислали: Коля Титовъ изъ Кронштадта, Нина Бриксъ въ СПБ., Фаня Ясиновская, Андриша Федотовъ—донской казачокъ, Тая Безсонова, Шета Мякишева изъ Севастополя, Адя и Толя Зильберкрейнъ, Роза Рейсеръ изъ Шполы (Киселевскій заводъ), Воля фонъ-Бранденбургъ изъ СПБ., Володя Поповичъ изъ Горокъ, Люціанъ Анковскій изъ Нижнеднѣпровска, Котя Николаевъ изъ Харькова, Алеша Вѣлявскій со ст. Омскъ, Jeanne Meunier, Катя Ганкевичъ.

Кромѣ того прислали впрямь рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ предыдущихъ №№ „Золотого Дѣтства“: Тоня Стефани изъ Манчжури, Катя Ганкевичъ изъ Зозова, Миша Оболенскій изъ Горокъ, Сержикъ Пономаревъ, Миша Русіевъ изъ Тифлиса, Ваня Лобовиковъ изъ Колянур.

Гдѣ полицейскій, который видитъ этихъ воровъ?

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **2 рубля.**

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

➡ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ➡

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ
В. Ѳ. ѲЕДОРОВОЙ

Съ правами гимназій Минист. Народ. Пров. для учащихя

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПЛУТАЛОВА УЛ., СОБ. Д., № 21. 3-й домъ отъ большаго пр.

Телефонъ 239—75.

При гимназій имѣются: три приготовительныхъ класса и ДѢТСКІЙ САДЪ для мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 4-хъ лѣтъ.

Особенное вниманіе обращено на изученіе языковъ и на физическое и эстетическое развитіе учащихя.

КАНЦЕЛЯРІЯ ОТКРЫТА: отъ 10 час. утра до 12 час. дня (кромѣ праздниковъ) и отъ 6 до 7 час. веч. ежедневно (кромѣ субботы).

ПЛАТА отъ 60 до 130 р. въ годъ, въ VIII кл.—150 р. въ годъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ОКОНЧИВШИХЪ И ОКАНЧИВАЮЩИХЪ
ЖЕНСКІЯ ГИМНАЗІИ И ИНСТИТУТЫ:

Открытъ VIII-й дополнительный педагогическій и общеобразовательный классъ для лицъ, желающихъ получить подготовку: 1) на аттестатъ зрѣлости, 2) для поступленія на Высшіе Женскіе Курсы, 3) къ педагогической дѣятельности и аттестатъ на званіе домашней наставницы или учительницы.

Имѣющія аттестатъ объ окончаніи гимназій или института принимаются БЕЗЪ ЭКЗАМЕНА.

